

Ханов Булат Альфредович

Концептуализация советского дискурса в современной русской прозе

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Казань – 2016

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Бреева Татьяна Николаевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор кафедры филологии ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет» (г. Челябинск)

Пономарева Елена Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и лингвистики ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры»

Сорокина Татьяна Викторовна

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Защита диссертации состоится **22 декабря 2016 года в 14:00** на заседании диссертационного совета Д 212.081.14 при ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу 420021, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2, ауд. 207.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35).

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета (<http://www.kpfu.ru>).

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Зайни Резеда Локмановна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность работы. Всестороннее изучение советского опыта на протяжении последних двух с половиной десятилетий продолжает оставаться одним из приоритетных направлений отечественной гуманитарной мысли, становясь предметом исследования историков (О.А. Игнатова, В.И. Батюка, С.И. Никонова, Н.Б. Арнаутов), культурологов (М.Н. Гребенюк, Т.А. Круглова, Л.А. Булавка, О.В. Лихонина), литературоведов (Н.А. Полякова, А.Ю. Исаковская, Н.П. Беневоленская, Н.Г. Ипатова), языковедов (Г.Ч. Гусейнов, А.П. Романенко, Т.А. Кутенева, В.И. Протуренко), правоведов (А.В. Лысенков, И.А. Анучин, О.Н. Старикова, А.И. Игошин), журналистов (И.Н. Агейкина, Е.Н. Басовская, Н.С. Заковырина), специалистов по социальной философии (Н.С. Смолина, Д.Б. Резинко, Н.О. Архангельская). Это вызвано целым рядом социополитических и социокультурных причин, связанных между собой. В социополитической сфере мотивацией для обращения к советской эпохе служит регулярно меняющаяся оценка практической значимости и эффективности тех или иных советских социальных институтов по сравнению с их постсоветскими эквивалентами.

Актуальность социокультурных исследований по советской тематике обусловлена стремлением прояснить, какое место занимает советская эпоха в формировании национальной идентичности. В частности, на фоне восприятия Советского Союза как имперского образования усиливается поиск имперских черт в России третьего тысячелетия.

Несмотря на множественность исторических и историографических исследований в настоящее время активизируется именно социокультурный подход к осмыслению феномена советского. Можно предположить, что такая динамика продиктована по крайней мере двумя причинами. Во-первых, в научной парадигме наблюдается смещение ракурса от макроистории к микроистории и, следовательно, к осмыслению феномена повседневности в частной жизни людей. Во-вторых, с увеличением временной дистанции также уменьшается идеологическая ангажированность советского прошлого.

Феномен советского выступает предметом различных сфер социально-гуманитарного знания. С некоторой долей условности можно выделить пять направлений его изучения. Первое направление исследует феномен советского в рамках

собственно культурологического подхода (М.Н. Гребенюк, Т.А. Круглова, Л.А. Булавка, Н.Е. Киселева, Е.А. Смыкова, М.Ф. Николаева и т.д.). В рамках второго направления рассматриваются особенности повседневного функционирования феномена советского в различных сферах: семейно-бытовой, образовательной, промышленной, спортивной и др. (Д.М. Раева, С.И. Толстой, А.И. Назаров, М.А. Денисова, А.Е. Звонарева, С.Н. Шаповалов и т.д.). Третье направление отличает изучение механизмов советской пропаганды, а также средств порождения советских идеологем и особенностей их функционирования (Г.Ч. Гусейнов, Д.Б. Резинко, Т.В. Шкайдерова, Т.А. Кутенева, Н.Б. Арнаутов, И.Н. Агейкина, Е.Д., С.В. Еремин и т.д.). В отличие от идеологемного, лингвистическое направление ориентируется не на выявление идеологических объяснений нормативных особенностей советского языка, а на поиск и описание этих самых норм (Н.А. Купина, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, А.П. Романенко, О.П. Семенец, Л.А. Кранышева и т.д.).

Степень изученности. В рамках литературоведческого подхода материалом исследования становятся как произведения советских писателей, так и современных авторов, в чьих текстах большое место занимает советская тематика. В первое постсоветское десятилетие литературоведение главным образом занимается ревизией соцреалистических текстов и переосмыслением соцреалистического канона. В качестве примеров можно привести многочисленные труды Е. Добренко, работы Х. Гюнтера, Б. Розенталя, Г. Карлтона, М.Р. Балиной, И.А. Есаулова, Г.А. Белой, Т. Лахусена, А. Крыловой, К. Кларк и т.д.

В нулевые годы основное внимание сосредоточено на постмодернистской рецепции феномена советскости. Как правило, объектом исследования оказывается советский миф в его функциональном значении и способы деконструкции соцреалистического канона в творчестве тех или иных авторов (К.С. Поздняков, М.В. Репина, Д.Н. Зарубина, И.Ю. Погорелова, Н.П. Беневоленская, Н.А. Полякова и т.д.).

В последние годы намечается осмысление феномена советского в современной литературе, не относящейся к постмодернизму. Как следствие этого, предметом исследования перестают быть исключительно способы деконструкции советского мифа, исчезает сосредоточенность на политическом послые текстов о советской эпохе. Внимание литературоведов сосредоточивается на поиске внутренней логики советского

дискурса, его социокультурных предпосылок, из которых складываются формы бытования советского дискурса в советской литературе.

Рецепция советского прошлого в литературе последних десятилетий представлена в работах М.А. Литовской, М.А. Черняк, Н.В. Барковской, Я.А. Полищука, И.И. Плехановой и др. В трудах этих исследователей прослеживается тенденция к обозначению преемственности между советской и современной литературой, выражающейся в осмыслении зависимости современных писателей от советской ментальности, усвоенной через многочисленные каналы, и в изучении дискурсивных практик, посредством которых она репрезентируется в художественном творчестве.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка осмысления советского дискурса и способов его концептуализации в постсоветской отечественной прозе 1990-х – начала 2010-х годов в виде целостной системы, общие закономерности которой синхронно складываются в творчестве различных писателей на рубеже веков.

Различение таких понятий, как «советский дискурс» и «советский миф», обуславливает определение хронологических рамок исследуемого явления и выбор художественного материала.

Материал исследования составляют романы В. Шарова «Репетиции» (1992), «До и во время» (1993), «Мне ли не пожалеть» (1995), «Старая девочка» (1998) и «Будьте как дети» (2008), В. Аксенова «Москва Ква Ква» (2006), А. Тургенева «Спать и верить. Блокадный роман» (2007), М. Елизарова «Библиотекарь» (2007), «Мультики» (2010), А. Терехова «Каменный мост» (2009), З. Прилепина «Обитель» (2014) и повесть К. Букши «Аленка-партизанка» (2002).

Критерием отбора текстов послужило то обстоятельство, что в них феномен советского представлен как дискурсивная практика. Выбранные тексты объединяет то, что они не столько выступают проводниками эволюционирующих социальных стратегий, сколько концептуализируют советский дискурс, определяя его функциональные особенности и задавая его толкование как целостной и организованной системы.

Объектом исследования является феномен советскости в постсоветской литературе.

Предметом исследования выступает советское как одна из наиболее значимых дискурсивных практик, существующих в современной отечественной прозе.

Цель диссертационного исследования заключается в рассмотрении специфики концептуализации советского дискурса в отечественной прозе 1990 – 2010-х годов.

Цель исследования обуславливает постановку ряда **задач**:

1. Выявить отличительные особенности советского дискурса на фоне смежных дискурсов;
2. Определить закономерности преодоления советского травматического опыта на персонажно-образном и авторском уровнях в постсоветской отечественной прозе;
3. Исследовать структуру и механизмы конструирования модели национального воображаемого в творчестве В. Шарова 1990 – 2000-х годов и в романе М. Елизарова «Библиотекарь»;
4. Исследовать структуру и механизмы конструирования модели имперского воображаемого в романах В. Аксенова «Москва Ква Ква» (2006) и А. Терехова «Каменный мост» (2009);
5. Исследовать структуру и механизмы конструирования модели культурного воображаемого в романах М. Елизарова «Мультики» (2010) и З. Прилепина «Обитель» (2014).

Методологическую основу работы составляет комплекс исследований, которые можно объединить в несколько основных групп. Первая из них связана с работами, посвященными изучению феномена советскости в постсоветской действительности (Н.С. Смолина, С.А. Ушакин, Е.Н. Шапинская, М.В. Хубутя). Вторую группу представляют труды, предметом анализа в которых становятся механизмы функционирования индивидуальной и коллективной памяти, а также травматического дискурса (М. Хальбвакс, П. Рикер, Д. ЛаКапра, А.Г. Васильев, О.Б. Леонтьева, Т.Н. Золотова). В связи с многочисленными пересечениями советского дискурса с национальным актуальными для нас являются исследования, рассматривающие генезис, структуру и специфику функционирования национального мифа (Т.Н. Бреева, Б.А. Успенский, О.В. Рябов, В.П. Шестаков, Н.Г. Митина).

Кроме того, важную роль при изучении советского дискурса в отечественной прозе 1990 – 2010-х гг. играют отечественные (Е. Добренко, М.А. Литовская, Б.Е. Гройс)

и зарубежные (Х. Гюнтер, К. Кларк, Б. Розенталь, Т. Лахусен) труды по соцреалистическому канону.

Методами диссертационного исследования являются культурно-исторический, структурно-семантический метод, а также нарративный анализ, дискурс-анализ и концепт-анализ.

Понятийный аппарат. Понятие дискурса является одним из самых распространённых в постнеклассической науке. В разные годы теорию дискурса разрабатывали Э. Бенвенист, М. Фуко, З. Харрис, Ю. Хабермас, Т. ван Дейк, М. Пеше, Э. Бьюиссан, С. Миллс, В.Г. Борботько, Н.Д. Арутюнова и т.д. Понятие дискурса чрезвычайно вариативно, и эта вариативность отражена в работах Е.С. Кубряковой и О.В. Александровой, Ю.В. Руднева, Е.В. Темновой и др.

Вслед за Е.Н. Шапинской, мы понимаем дискурс как «социально локализованный способ придания смысла определенной области социального опыта». По мнению исследователя, «дискурс всегда продуцируется и реализуется в двух основных формах: нарратива и аргументации, которые присутствуют в той или иной форме в различных дискурсивных практиках. Материальным воплощением дискурса является текст, артефакт, который доступен для изучения, анализа, интерпретации, репликации и тому подобных операций»¹.

Природа советского дискурса обуславливает необходимость актуализации таких понятий, как «идеологема» и «мифологема», которые становятся предметом анализа в трудах И.Т. Вепревой и Т.А. Шадиной, Е.Г. Малышевой, В.А. Рыжовой. Исследователи отмечают, что идеологема являет собой многоуровневый концепт. В структуре этого концепта реализуются идеологизированные стереотипные и мифологизированные представления, отражающие субъективные представления различных группы людей о власти, государстве, нации. Из набора этих представлений конструируется определённый образ реальности.

С идеологемой тесную связь образует мифологема. В ней зафиксировано устойчивое состояние обыденного сознания. Мифологема задаёт описание, истолкование и обоснование существующего порядка вещей в мифологизированном обществе. И в идеологеме, и в мифологеме ярко выражен аксиологический компонент.

¹ Шапинская, Е.Н. Дискурсивный подход // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2. Вып. 1(2). С. 424.

Идеологемы, отражающие интересы определённого круга людей, опираются на национальные мифологемы. Если мифологемы заполняют собой пространство мифа, то в идеологеме на передний план выдвигается директивная установка.

Значимой для нашего исследования выступает категория воображаемого, разработанная в трудах Л. Вульфа, Т.Н. Бреевой и др. Воображаемое позволяет рассмотреть пути концептуализации в литературе социокультурных установок, распространенных в общественно-политическом поле, и способы преломления в авторском сознании коллективных представлений.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Существенными особенностями советского дискурса в современной отечественной прозе выступают деисторизация и генерализация. Деисторизация свидетельствует о нелинейном и вневременном характере советского дискурса, в то время как генерализация закрепляет его внутреннюю однородность и обеспечивает подчинение всех частных составляющих общему смысловому ядру. Этим обуславливается взаимосоотнесенность мифологем и идеологем, отличающих советский дискурс.

2. Советский дискурс в современной отечественной прозе характеризуется особой структурой, продиктованной логикой переживания травматического опыта. В условиях этой структуры задействуются механизмы отыгрывания и проработки. Отыгрывание, реализуемое на персонажно-образном уровне, отличается стремлением к повторению травматического опыта, при этом советский и тоталитарный дискурсы отождествляются. Проработка, конструируемая на индивидуально-авторском уровне, заключается в дистанцировании от травматического опыта через актуализацию исторического нарратива, подчеркнуто фикционального по своей природе. Результатом такого дистанцирования оказывается иронически-отстраненное отношение к феномену советского, порождающее игровую природу советского дискурса, которая редуцирует идеологическую составляющую и сводит на нет демифологизирующую функцию.

3. Советский дискурс в современной отечественной прозе концептуализируется в рамках национального, имперского и культурного воображаемого. В каждой из этих трех форм находят отражение утопические интенции, обеспечивающие однородность советского дискурса.

4. Советское как национальное воображаемое в отечественной прозе характеризуется редуцированием дихотомии «национальное – советское». Реструктуризация национального мифа происходит в пределах советского дискурса путем переосмысления национальных мифологем через советские идеологемы. Национальный миф трансформируется на уровне гендерных репрезентаций: феминность образа России уступает место патриархальности. Дискредитация мессианского нарратива с его эсхатологическими и утопическими интенциями определяет изменение представлений о провиденциальной роли России. Присвоение исторической памяти на нарративном уровне позволяет советскому дискурсу стать частью национальной модели.

5. Включение советского дискурса в контекст имперского воображаемого обусловлено постижением сущности первого. В отечественной прозе имперское воображаемое либо демифологизирует, либо ремифологизирует советский дискурс. Процесс демифологизации, аннигилируя имперские интенции, обнажает фикциональную природу советского дискурса. Ремифологизация, реконструируя имперское начало, на основе пассионарности советского дискурса, задает ему трансцендентное, надысторическое значение. Концентрированным выражением сути имперскости оказывается образ Сталина, чей образ в сюжетных построениях иллюстрирует расцвет и угасание империи.

6. Восприятие советского как культурного воображаемого достигается через жанровое взаимодействие соцреалистических и постсоцреалистических жанров. Формализация и стереотипизация последних ведет, с одной стороны, к ликвидации заложенных в них смыслов, а с другой стороны, к экспрессивному воспроизведению советских жанровых стратегий вместе с их интенциональными установками. В результате актуализации советских жанров, наделенных смыслоразличительной функцией, создаются предпосылки для реабилитации советского дискурса.

Теоретическая значимость работы определяется расширением поля изучения феномена советскости в современной русской прозе, а также исследований, затрагивающих реализацию различных дискурсивных практик в творчестве современных отечественных писателей. Помимо этого углубляются проблемные поля, связанные с исследованиями, посвященными творчеству В. Шарова, В. Аксенова, А. Терехова, М. Елизарова, З. Прилепина, А. Тургенева, К. Букши.

Практическая значимость. Основные материалы исследования, полученные при рассмотрении специфики функционирования и концептуализации советского дискурса в отечественной прозе 1990 – 2010-х гг., могут быть использованы при изучении литературного процесса конца XX – начала XXI веков и составлении общих историко-литературных курсов по современной русской литературе, при проведении спецкурсов по проблемам дискурсивных практик в современной русской литературе.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования были представлены в виде научных докладов, прочитанных на научных конференциях: международных («XXII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов-2015”», «V Международная научная конференция “Национальный миф в литературе и культуре: национальное и историческое”», «XXIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов-2016”», «VI Международная конференция “Синтез документального и художественного в литературе и искусстве”»), всероссийских («XII Всероссийская научно-практическая конференция “Литературоведение и эстетика в XXI веке” (“Татьянин день”», посвященная памяти Т.А. Геллер»); изложены в трех статьях, опубликованных в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ, и в двух статьях и одних тезисах, посвященных проблемам концептуализации советского дискурса в произведениях современных отечественных писателей.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка, включающего 186 наименований художественной и научно-критической литературы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновываются тема диссертации, ее актуальность и новизна, степень изученности затрагиваемых в работе проблем, формулируются материал, объект, предмет, цели и задачи исследования, определяются его теоретическая и практическая значимость, методологическая основа и понятийный аппарат, обозначаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Своеобразие функционирования советского дискурса в современной русской прозе» посвящена определению специфики советского дискурса

и его сущностных примет, а также характеру репрезентации феномена советскости в отечественной прозе 1990 – 2010-х годов.

В постсоветской литературе феномен советскости сразу начинает рассматриваться в рамках травматического опыта и переживает два этапа рецепции. В 1990-е годы доминантной формой осмысления советского опыта становится советский миф (В. Пелевин, В. Сорокин, Д. Пригов, Е. Попов и др.). Мифологизация советской эпохи оказалась созвучна постмодернистской парадигме с её деконструктивным посылом и принципом восприятия реальности как симулятивной знаковой системы. В нулевые годы утрата лидирующего положения постмодернистской художественной парадигмой приводит к тому, что советский миф постепенно замещается советским дискурсом.

Советский дискурс концептуализирует травматический опыт советской эпохи на двух уровнях, реализуя мнемонические стратегии, названные Д. ЛаКапра отыгрыванием (*acting-out*) и проработкой (*working-through*). На персонажно-образном уровне стратегия переживания травмы реализуется в рамках тоталитарного дискурса, воплощая тем самым стратегию отыгрывания; на авторском уровне травматический опыт компенсируется через обращение к историческому нарративу, что дает возможность реализовать стратегию проработки. Подчеркнуто игровая репрезентация исторического нарратива и его акцентированная дискретность блокируют механизмы сопереживания, обеспечивая рационализацию травматического опыта.

Специфическими приметами советского дискурса в современной русской прозе выступают деисторизация и генерализация. Генерализация предполагает его внутреннюю однородность; в художественных проекциях СССР предстает как целостное образование, а сама целостность достигается за счет гомогенизации и стандартизации примет советскости. Генерализация советского дискурса обеспечивает его замкнутость рамками периода «высокого сталинизма», что в свою очередь обуславливает такую его черту как деисторизация. Деисторизация позволяет, с одной стороны, рассматривать Советский Союз как вневременное самостоятельное образование, а с другой, присваивать ему избирательно приметы любой эпохи, мессианские и эсхатологические интенции. Редукция исторического нарратива предполагает эмблематизацию советского дискурса, которая, однако, существенно разнится с эмблематической природой советского мифа, причем это касается не столько

содержательной стороны эмблематизации (маркеры советскости идентичны и в том, и в другом случае: Сталин, лагерь, индустриализация и т.д.), сколько характера ее художественной презентации. Если деконструирующий потенциал эмблематизации советского мифа определяет его смысловую аннигиляцию, то в структуре советского дискурса эмблематизация приобретает ремифологизирующий характер, демонстрируя трансформацию идеологем в мифологемы. Все это позволяет воспринимать эмблематизированное советское прошлое не как исторический, а как социокультурный феномен.

Содержательным ядром советского дискурса выступают его утопические интенции, отражающие закономерные процессы в литературе на пути преодоления концептуалистских тенденций. Всплеск интереса к утопии в современной прозе – явление исключительное, концептуально и каузально отличное от пристального внимания к утопическому феномену в другие литературные эпохи. В постсоветской прозе актуализация утопии связана с феноменом «новой искренности»¹, символизирующим отход от демифологизирующего посыла в пользу построения неклассических позитивных моделей мира, при этом сохраняя иронический пафос и игровые приёмы.

Советский дискурс выполняет в большей степени метаутопическую функцию, в социокультурном ракурсе осмысляя причины, по которым советская утопия так и не осуществилась и мечта о светлом будущем не претворилась в действительность. Вместе с тем советский дискурс не только проводит ревизию советской утопии, но и находится в поиске её конструктивного потенциала, актуального для современности. Здесь активизируются обычно не те составляющие утопии, которые сигнализируют о несбыточности любой утопии и об иллюзорности идеалистических установок, а те, что направлены на радикальное преобразование действительности с целью её совершенствования. Именно конструктивный потенциал советской утопии в советском дискурсе избирается писателями в качестве концептуальных основ национальной идеологии.

Среди утопических интенций советского дискурса выделяются идея национального реваншизма и особая концепция силы. Первая получает

¹ См. об этом: *Эпштейн, М.Н.* Литературные движения. Метареализм. Концептуализм. Арьергард // *Эпштейн М.Н.* Постмодерн в русской литературе. М.: Высш. шк., 2005. С. 193.

акцентированное выражение благодаря надысторическому звучанию советского дискурса и существованию в его рамках представлений о провиденциальной роли России, укрепившихся в начале третьего тысячелетия. Концепция силы, пересекающаяся с идеей национального реваншизма, зиждется на пассионарности советского дискурса. При этом утопическое содержание советского дискурса может интерпретироваться по-разному: для В.П. Аксёнова и В.А. Шарова, более характерна критическая настроенность; З. Прилепин и М.Ю. Елизаров, сохраняя критическое восприятие феномена советскости, подпадают под обаяние утопических устремлений. Несмотря на различия, для каждого из писателей советский дискурс, не ограничиваясь рамками осмысления феномена советскости, становится основой национального, социального или культурного моделирования.

Расширение смысловых границ советского дискурса обеспечивается его свободным сопряжением с другими дискурсивными практиками, результатом которого становится его вовлечение в контекст национального, имперского и культурного воображаемого.

Встраиваясь в границы национального воображаемого, советский дискурс выполняет по отношению к первому реструктурирующую функцию. В сочетании с имперским воображаемым обнаруживается основное содержание советского дискурса. Именно имперское измерение задаёт аксиологическое восприятие советского дискурса, делающее возможным положительную или отрицательную интерпретацию последнего. В пределах культурного воображаемого советский дискурс предстаёт как одна из устойчивых дискурсивных практик.

В главе II «Советский дискурс в структуре национального воображаемого» феномен советского рассматривается в сопряжении с феноменом национального на примере романов В. Шарова и «Библиотекаря» М. Елизарова.

В рамках национального воображаемого советский дискурс выполняет функцию нациомоделирования. Советский Союз рассматривается в современной прозе как знаковый период отечественной истории, а содержательная сторона советского дискурса, в особенности утопические интенции, во многом соотносится с ключевыми признаками русской ментальности. Важно отметить, что советский дискурс, включаясь в пространство национального воображаемого, также воздействует на последнее и реструктурирует его. Механизм реструктуризации обеспечивается посредством

внутреннего сопряжения национальных мифологем и советских идеологем, результатом которого становится перекодировка национального нарратива и гендерных репрезентаций национального воображаемого.

В постсоветской прозе происходит деконструкция мессианского нарратива, вследствие чего утрачиваются и представления о провиденциальной роли русской нации. В творчестве В. Шарова мессианский нарратив позволяет увязать советский дискурс с концептом избранного народа. При этом идеологический конструкт «лагерь» превращается в экспериментальное пространство, где палачи и жертвы добровольно объединяются ради великой цели – установления на земле Царства Божьего (тождественного коммунистическому светлому будущему) путём отказа от заблуждений и усвоения нового мышления.

Способом реализации двойной природы советского дискурса становится в романах В. Шарова нарративная структура. Множественность нарративных инстанций, как персонифицированных, так и имеющих недиегетическую природу, с одной стороны, позволяет продемонстрировать вариант проживания утопических конструкций, укорененных в национальном поле, но репрезентируемых именно через идеологический контекст (целую группу нарраторов в прозе В. Шарова представляют утописты, возлагающие на себя апостольские функции: Никон («Репетиции»), Фёдоров («До и во время»), Краус («Мне ли не пожалеть»), Клейман («Старая девочка»), Перегудов («Будьте как дети»)), а с другой стороны, обуславливает реструктуризацию национального мифа России через включение нарраторов второго порядка, обязательно концептуализирующих проблему памяти.

Мессианский нарратив в романе М. Елизарова «Библиотекарь» актуализируется посредством конспирологического сюжета, основу которого составляет поиск сакрализованного творческого наследия пролетарского писателя Громова, обладающего способностью к преобразению человеческой природы. Акцентируемая благодаря этому советская идеологема нового человека последовательно включается в национальный контекст, прежде всего благодаря приему исторического палимпсеста. Структура исторического нарратива выступает основным способом ремифологизации провиденциального содержания национального мифа.

Помимо перекодировки национального нарратива трансформации подвергается система гендерных репрезентаций национального мифа России. Советский дискурс,

деконструируя феминную природу России, легитимизирует ее маскулинизацию. Демифологизация феминных репрезентаций России в творчестве В. Шарова связывается с мифологемой *Россия-Вечная Женственность* (репрезентация России как Спящей Царевны в романе «До и во время»). Обыгрывание эротического потенциала феминного мифа России в контексте как национальной (Жермен де Сталь и Николай Фёдоров), так и советской утопии (Жермен де Сталь и Сталин) связано с замещением традиционно ему присущего витального содержания мортальными смысловыми обертонами (появление устойчивых некрофилических мотивов). При этом разрушение системы иерогамных отношений связывается преимущественно с непомерной активностью именно феминного начала, символизирующего деконструирующую природу революционного мифа. Недостаток же маскулинной рационализации препятствует адекватному его воплощению, оставляя в границах утопического проекта.

М. Елизаров в своем романе обыгрывает мифологему *Матушка-Русь*. Криптологическая сюжетика «Библиотекаря» демонстрирует противостояние нескольких библиотек за обладание книгами Громова. Образ библиотеки вполне сохраняет то смысловое поле, которое он приобрел в модернистской и постмодернистской художественных парадигмах, используя его как вариант эмблематизации исторического нарратива. Итоговое противостояние библиотек Моховой и Вязинцева оборачивается поляризацией двух вариантов национальной репрезентации – феминной и маскулинной, причем первый вариант вписан в национальный контекст, а второй – в советский. Разрешением подобной поляризации выступает акцентирование героического потенциала маскулинности, в конечном итоге выступающего единственным условием существования национального мира. При этом маскулинность ассоциируется с разумом и центром, а феминность – со стихией и периферией. Советский дискурс, представленный громовскими текстами, реанимирует национальный дискурс, взывая к жизни одряхлевших матушек-старух, и в итоге поглощается национальным дискурсом, оставляя потенциальную возможность для возрождения.

В главе III «Имперское воображаемое как смысловая доминанта советского дискурса» исследуется практика идентификации Советского Союза как империи в современной отечественной прозе. Художественным материалом становятся романы В. Аксёнова «Москва Ква Ква» и А. Терехова «Каменный мост».

На рубеже тысячелетий изобличительная и осуждающая интонация при обращении к феномену имперскости постепенно уступает место ностальгическим тонам. Неудовлетворённость современностью приводит к воскрешению мифа о сильной стране, связываемого преимущественно с концептом травмы. Отыгрыванию травматического опыта соответствует острое переживание чувства собственного несовершенства, объясняемое незаверщённостью имперского проекта. При этом политический ракурс, занимающий видное положение в диссидентской литературе, уступает место культурологической рецепции.

Имперское измерение задает аксиологическое восприятие советского дискурса, не теряя при этом своей способности отражать его основное содержание. Разность оценочной интерпретации во многом определяется поколенческим критерием, обуславливая негативный характер художественной презентации имперской утопии в романе В. Аксенова и относительно нейтральное ее осмысление в романе А. Терехова.

Доминантной формой осмысления имперской составляющей советского дискурса в романе В. Аксенова «Москва Ква Ква» становится платоновский код, представленный предельно широко: на персонажно-образном, хронотопическом и символическом уровнях. Концептуально значимым для В. Аксенова является традиционная для А. Платонова амбивалентность восприятия утопии, позволяющая реализовать внутренний сюжет аксеновского романа, основу которого составляет рецепция утопической идеи и утопического проекта. Платоновский код, преимущественно структурируемый вокруг романа «Счастливая Москва», определяет символическую персонификацию утопической идеи в образе Глики Новотканной и варианты ее реализации в рамках утопических проектов Смельчакова, Моккинакки и Сталина. Образ Глики Новотканной актуализирует психоаналитический и эстетический аспекты имперской идеи, репрезентируемые через систему мотивов полета и Золотого века. Образы Смельчакова, Моккинакки и Сталина, с одной стороны, демонстрируют разные варианты реализации утопии (важным моментом выступают разные способы реализации героями мотива полета), а с другой, благодаря мотиву оборотничества достаточно тесно соотнесены между собой, представляя разные грани одного и того же имперского проекта. Образ Смельчакова позволяет сакцентировать внимание на героическом аспекте имперской утопии, образ Сталина (в традициях романа «Остров Крым») оказывается персонифицированным воплощением бессознательных механизмов, определяющих суть

имперского проекта. Образ же Моккинакки, наиболее полно воплощающий мотив оборотничества, оказывается связующим элементом между идеальной и хтонической сторонами империи.

Включение античного мифологического кода (Тезей и Минотавр), осуществляемого на всех уровнях текста, становится одной из форм репрезентации платоновского кода, обнажающего внутреннюю несостоятельность утопического проекта. Образ лабиринта позволяет определить несостоятельность утопии как на уровне персонажной символизации, так и на хронотопическом уровне. Первый вариант репрезентирует психоаналитический аспект, демонстрирующий несостоятельность утопического проекта империи; второй вариант вновь обнажает платоновский код, связанный с трансформацией акрополя (образ сталинской высотки) в некрополь (хтоническая природа лабиринта).

Традиционно для В. Аксенова разрешением несостоятельности имперской утопического проекта и одним из вариантов сохранения утопической идеи становится диссидентский миф, репрезентируемый образами Юрки Дондерона и Так Таковского.

В романе А. Терехова «Каменный мост» идёт речь о другой версии имперского воображаемого в пределах советского дискурса. Акцентирование приема реконструкции истории позволяет обозначить двойственный характер презентации советского дискурса, одновременно подвергающегося рефлексии и становящегося моделью проживания.

В романе выделяются три формы репрезентации советского дискурса. Первый вариант предлагает партийная элита, в особенности дипломатический корпус, второй – сам Сталин, третий – дети элиты. Дипломатическая линия выполняет функцию саморепрезентации советского дискурса. Партийная элита предъявляет миру имперские амбиции и позиционирует себя как великий механизм, где любой элемент осознаёт причастность к грандиозному целому и не боится смерти. Венчающий иерархию Сталин легитимирует сложившийся порядок вещей и подыгрывает западным представлениям об Абсолютной Силе СССР.

Разрушение силы происходит за счет использования автором мифологемы Золотого века, символизирующей сталинскую эпоху. Приближение к концу этой эпохи, означающее угасание имперской мощи, выражается в чувстве пресыщения и усталостью, овладевших партийцами. Сталин не в состоянии предотвратить упадок, и

его берутся остановить амбициозные дети партийцев, создающие организацию «Четвертая империя».

Деятельность детей, а также детективов из постсоветской современности, мотивируется жаждой величия. Однако желание превзойти отцов или разгадать тайну сталинского периода оборачивается игрой в имперскость, ее фетишизацией. В этом плане примечательна страсть главного героя Александра к коллекционированию солдатиков.

Сюжетная линия Александра актуализирует проблему присвоения имперской модели как варианта преодоления пустоты исторического дискурса.

В главе IV «Советский дискурс как культурное воображаемое в современной русской прозе» исследуется третья сфера репрезентации советского дискурса. В качестве материала для исследования выбраны романы М. Елизарова «Мультики» и З. Прилепина «Обитель».

В пределах культурного воображаемого советский дискурс предстает как одна из устойчивых дискурсивных практик. Советский культурный код, сформированный в произведениях соцреализма, оказывается одним из средств смыслопорождения в современной отечественной прозе. Соцреалистические жанры перестают восприниматься как объект для пародии (как это было в концептуализме) и, сопрягаясь с жанрами постсоцреализма, активно участвуют в смыслоразличении и смыслопорождении. Репрезентация советского дискурса в культурном воображаемом происходит путем симбиотического взаимодействия соцреалистических и постсоцреалистических жанров в пределах одного произведения. Стереотипное воспроизведение постсоцреалистических жанров ведет к тому, что соцреалистические жанровые стратегии занимают в системе произведения ведущее положение и несут конструктивный потенциал. В результате их активизации создаются предпосылки для реабилитации советского дискурса.

Роман М. Елизарова «Мультики» вписывается в общую стратегию ремифологизации советского, проводимую писателем. В произведении вступают во взаимодействие два жанра – школьная повесть и роман воспитания (в его советском варианте). Приметы школьной повести 70-80-х годов в «Мультиках» присутствуют в первой трети романа, где рассказывается о школьнике Рымбаеве, в конце 80-х вступающем в уличную банду. Через приёмы школьной повести фиксируется ситуация

идеологического провала: горожане с тревогой глядят в будущее, коммунистические идеи вызывают смех, городом заправляют преступные группировки, подростки предоставлены самим себе. Жанровая стратегия школьной повести с ее атмосферой разлада, изображёнными в ней социальным неравенством и поколенческим разрывом, репрезентирует постсоветскую реальность в «Мультиках».

Символический потенциал разрешения постсоветских противоречий несёт в себе жанр романа воспитания, точнее его соцреалистическая модель. Его черты активизируются во второй трети романа, когда Рымбаев попадает в Детскую комнату милиции, сотрудники которой занимаются перековкой малолетних нарушителей, делая из стихийных преступников сознательных граждан. Актуализируется советская мифологема *Большая семья*, когда воспитатели из Детской комнаты милиции начинают играть в судьбе подростков роль символических родителей. Хронотопическое структурирование Детской комнаты по модели лабиринта позволяет расценивать перевоспитание подростков как их инициацию, как усвоение ими советских ценностей.

Ностальгический комплекс, поднятый писателем в «Библиотекаре» по Союзу Небесному, несостоявшемуся идеалу, в «Мультиках» также задействуется в утопическом измерении, а Советский Союз мыслится как государство, искренне заинтересованное в перековке вредных элементов, заботится о каждом гражданине.

В рамках романа З. Прилепина «Обитель» взаимодействуют жанровые стратегии лагерного и производственного романов. В «Обители» есть отсылки к «Запискам из Мёртвого дома», образцу каторжной прозы XIX века: подчёркнутая христианская составляющая, чуткий и образованный герой в центре повествования, созвучие фамилий – Горянчиков у Ф. Достоевского и Горяинов у З. Прилепина. Также в «Обители» обнаруживаются типологические сходства с новой прозой В. Шаламова: лагерь изображается как особое пространство с перевёрнутыми ценностными представлениями, фиксируются пограничные состояния психики лагерных обитателей, охватывается всесторонне бытовая действительность, документальная достоверность сочетается с художественным вымыслом. Несмотря на формальные сходства, концептуально «Обитель» существенно расходится с классическими образцами лагерного повествования XIX и XX веков. Главный герой Артём не раскаивается в содеянном преступлении, как это делает персонаж Ф. Достоевского, и выбирается из

пороговых ситуаций целым физически и морально, что невозможно в концепции В. Шаламова.

Концептуальные пустоты, возникшие в результате сознательного отказа от содержательного посыла классического лагерного повествования, заполняются 3. Прилепиным смыслами из советской литературы конца 1920 – 30-х гг. Так, значительное место в тексте занимают ницшеанские мотивы. 3. Прилепин, реконструируя идеологему исправления как движущей силы советской пенитенциарной системы, описывает Соловки как пространство, где советская власть выводит сверхлюдей. Звучат в тексте и мотивы производственного романа: культ фабрики и борьба со стихией. В прилепинском романе нет восхищения тоталитарной системой и большевистской партией, нет оправдания чекистских деяний и романтизации уголовного мира, зато в «Обители» есть увлечённость советской утопией, мечтающей сконструировать нового человека. 3. Прилепин видит идеальную личность не слабой и смиренной, а сильной духовно и физически, ответственной и справедливой.

В **Заключении** формулируются основные результаты исследования и намечаются перспективы дальнейшей работы. В историко-литературном аспекте важно отметить, что советский дискурс для большинства современных отечественных прозаиков начинает играть в литературе функциональную и инструментальную роль. Особенности концептуализации советского дискурса в современной русской прозе таковы:

- советский дискурс к началу 2010-х годов перестаёт быть предметом эмоционального переживания, отыгрывание травматического советского опыта уступает место процессу проработки, которому свойственны ослабление боли и страдания, сопровождающих чувство утраты, и одновременная рационализация травматического опыта;

- благодаря стратегии генерализации советский дискурс становится основой для тотальных обобщений, а его деисторизированная природа усиливает их вневременное звучание;

- содержательной доминантой советского дискурса выступают утопические интенции, чей всплеск обусловлен отходом от постмодернистской парадигмы и тоской по идеалу, который не может предложить постсоветская действительность;

– в поисках конструктивного потенциала советской утопии авторы уделяют особое внимание мифологеме советского проекта, воспринимая последний как ментальную и надперсональную конструкцию;

– вступая во взаимодействие с национальным воображаемым, советский дискурс подвергает ревизии совокупность нарративов и гендерных мифологем, репрезентирующих национальное воображаемое;

– сочетаясь с имперским воображаемым, советский дискурс проявляет своё основное содержание, поскольку именно в имперском измерении осмысливается феномен силы;

– в границах культурного воображаемого концептуализация писательских представлений о советском дискурсе достигается через советский культурный код.

Дальнейшее изучение советского дискурса в современной русской литературе предполагает анализ малых эпических жанров и других родов литературы, а также обращение к стилистическим особенностям произведений, в центре которых оказывается феномен советскости.

Основное содержание диссертации отражено в следующих **публикациях**:

*Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах,
рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ*

1. Своеобразие функционирования советского дискурса в романе М. Елизарова «Библиотекарь» // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т.157, №2. С. 229-238. — 0,8 п.л.

2. Функционирование советского дискурса в романе М. Елизарова «Мультики» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т.21, №6. С. 90-94. — 0,6 п.л.

3. Концептуализация советского дискурса в романе А. Терехова «Каменный мост» // Известия Уральского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т.18. №1. С. 26-33. — 0,6 п.л.

Другие работы, опубликованные автором по теме диссертации

4. Советский дискурс как имперское «воображаемое» в романе В. Аксёнова «Москва Ква-Ква» // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. 2015. №2. С. 115-126. — 0,8 п.л.

5. Взаимодействие нарративов в прозе В. Шарова // Русская литература в иноязычном культурном пространстве: монолог, диалог, полилог : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Саранск, 11 нояб. 2015 г. / редкол. Ю.А. Мишанин, О.Ю. Осьмухина (отв. ред.), Е.А. Казеева [и др.]. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 305-309. — 0,4 п.л.

6. Концептуализация советского дискурса в романе В. Аксёнова «Москва Ква-Ква» // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2016. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. — Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; AdobeAcrobatReader. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/section_28_6873.htm. — 0,2 п.л.

7. Функционирование советского дискурса в романе З. Прилепина «Обитель» // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2016. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. — Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; AdobeAcrobatReader. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/section_30_8559.htm. — 0,1 п.л.